

Сергей Солоух

ИГРА В ЯЩИК

Серия «Самое время!»

Три героя между трех гробов. Краткое содержание нового романа Сергея Солоуха формулируется как математическая задача. И это не удивительно, ведь все герои – сотрудники подмосковного НИИ начала восьмидесятых, на переходе от Брежнева к Горбачеву. Но ощущение вневременности происходящего всему действию придает смерть совсем иная, неосязаемая и невидимая, четвертая – неизбежный и одинаковый во все времена конец детства.

*“Kerýho Ferdinanda, paní
Müllerová?” otázal se Švejk,
nepřestávaje si masírovat kolena, “já
znám dva Ferdinandy”.*

Jaroslav Hašek

*'Do you say these things simply to
depress me, Frank?'*

'No, Uncle, simply to cheer myself up.'
Evelyn Waugh

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

0:0

ЯЩИК

Легкое косоглазие, небольшой перекося черных пуговиц – признак настоящего математика. Природную общечеловеческую симметрию портит редкая способность к необыкновенной и долгой концентрации мысли. Полное и абсолютное погружение в предмет анализа. Ноги, как правило, не могут воспользоваться таким счастливым моментом неподотчетности, свободы от мелочной опеки головы, а вот глаза – всегда пожалуйста. Разъезжаются, правый на запад к уху, а левый... а левый вот ни черта. Пока сосед-черныш на той стороне переносицы ворует свои миллиметры и наслаждается потерей фокуса, левый все делает наоборот. Не просто холоден и неподвижен, а даже на быстрые изменения освещенности, смену света и тени, отказывается реагировать. Не хочет сжиматься и разжиматься. В зеленоватом колечке ореола стоит большой и черный в самом центре белого и ничего, совершенно ничего не видит.

Другое дело, стоила ли собственно картина зрительного усилия. За стеклом, прямо перед несвязанными, своевольными зрачками аспиранта Института проблем угля Романа Подцепы лежал в лучах ленивого августовского рассвета обыкновенный подмосковный город. Миляжково. Как и все ему подобные, вроде Орехово-Зуево или Подольска, что возникли в границах распространения паровозной сажки по обе стороны колеи восточных или южных императорских железных дорог во второй половине девятнадцатого века, Миляжково и в конце двадцатого оставалось маловразумительным придорожным образованием. Расположение и направление улиц определяли тут заборы складов, заводов и депо, а перспективу замыкали трубы котельных и теплоцентралей. И даже в полном надежд и нежности начале летнего шестого часа утра, с высоты девятого этажа из окна вычислительного центра ничего не удавалось высмотреть мерцающего, загадочного или манящего между быстро выступающими из миляжковских ночных глубин углами. Стенами из серого кирпича и крышами из серого шифера. Определенно, птичья дальнорукость в этом месте душу не возвышала и не грела. Но, впрочем, и человеческая близорукость с ее благородной вогнутостью линз не добавляла волшебных черт картине мира. Прямо под ногами Романа Романовича уныло расстилалась безжизненная и бесцветная в этот час

территория Института проблем угля им. Б. Б. Подпрыгина. Уменьшенная копия породившего ее населенного пункта. К высокой ограде режимного института жались похожие на дровяные лабазы сараи послевоенных испытательных стендов. Чуть дальше, словно куски от ветхости распавшегося времени, на узкой площадке для металлолома уныло громоздились и друг в друга тыкались старозаветные забойные машины. Техника большого прорыва и шести условий. Огород Стаханова. И уже совсем рядом, в непосредственной близости от нового девятиэтажного длинным и кривоватым рукавом невидимого пальто растянулся старый, приземистый корпус экспериментального завода. Вместо пятерни, справа за асфальтовой лентой узкого внутридворового проезда, один за всех тупо дырявил небо единственный упрямый палец. Труба котельной. Все это механическое, серое и черствое. Даже тени внештатных сторожевых дворняг, полночной комариной своры, хозяев институтского двора, и те как-то беззвучно рассосались в стылом растворе мертвого часа.

Зато на другой, одушевленной и освещенной стороне мира, за спиной Романа Романовича Подцепы черной живой тенью колыхался дежурный электронщик Слава Соловейкин. Правда, его отрывисто и часто дышавшее тело совершенно не гармонировало и не сочеталось с неподвижной фигурой аспиранта, примерзшего дозорным к витринному переплету кругового остекления девятого этажа. В то время как Подцепа, весь обратившись в слух, отслеживал на раз-два-три-четыре связь между сглатываньем очередной перфокарты из быстро тающей колоды и скорой, как правило серийной, отрывкой печатающего устройства, Соловейкин за спиной Романа маялся, весь обратившись в шум и трепет, а также отчасти в свет, тепло и запах. Слава нарезал круги вокруг прямоугольной тумбы устройства для размножения все тех же самых перфокарт. Весьма солидного на вид шкафчика, крайне редко применявшегося по назначению, возможно в первую очередь из-за пугающего весь персонал ВЦ жуткого прозвища «бармалей». Однако в тусклом, серебряном шестом часу августовского утра этот грозный агрегат охотно служил всего лишь навсего подставкой для мелкого рыбацкого стаканчика, примерно на одну треть наполненного голубоватыми слезами штатного технического спирта. Денатурата. Слеза просилась прямо в Славу, и Славин глаз ее хотел, но сердце в организме трепетало, желудок поднимался к горлу, а пищевод стыдливо, но решительно перекрывал и

вход, и выход. Ночная смена неумолимо шла к концу, все меньше шансов оставляя Соловейкину на человеческое ее завершение. С полным вытиранием из души и памяти всех мерзостей дежурных обид и унижений.

Между тем, вчера в теплом черничном морсике начала ночи к новому корпусу экспериментального завода, на девятом этаже которого располагался институтский вычислительный центр со всеми своими службами, от соразмерного машзалу участка приточно-климатической установки до сплюснутой со всех сторон унылой перфораторской, оба, и Слава Соловейкин, и Роман Романович Подцепа, шли в самом лучшем расположении духа, в предвкушении насыщенных и плодотворных восьми часов. С двадцати трех до семи ноль-ноль.

Сама по себе ночная смена уже была большой победой Романа Романовича. Очень приятного, несмотря даже на легкое ученое несхождение зрачков и общую косолапую, медвежью грацию, молодого человека, которого в его двадцать пять лет по имени-отчеству не звал решительно никто, кроме, может быть, самого Романа Романовича, да и то в веселую минуту и исключительно про себя. Ночная смена, на незатейливой машинке единой серии с четным номером, но нечетной суммой цифр – 1022, восемь часов безраздельного и непрерывного владения всеми ресурсами этого скромного аппарата, способного под DOS/ES, как барышня-крестьянка из повести в стихах, принадлежать и отдаваться одновременно лишь одному и больше никому, стоила месяца, а то и двух, расписанных, уложенных, расчесанных на тонкие проборчики часов или даже минут. Три волоска на лысине. «Сектор мат. методов. Подцепа. 13:45 – 14:30». И вот уже в 14:25, когда для счастья, ну или как минимум законченного результата расчета варианта нужен всего лишь таракан каких-то десяти или двенадцати минут, является угрюмый «Лаб. разрушения породы. Гитман. 14:30 – 16:00», чтобы ногами затоптать надежду в любой форме, а горбатой спиной буквально и натурально закрыть любую щелку между перфокартным и перфолентным вводом. Ровно в полчаса он кивнет головой, и дежурный оператор пустит ежа, отщелкает три заглавных буквы на желтой ленте «Консула» – End Of Job – и все, свободен, Роман Романович. Повесть с прологом на языке FORTRAN, с завязкой распределения памяти и параметрами запущенного варианта, но без эпилога псевдографики, точек и звездочек нагрузки на широких листах бумаги с аккуратными линейками круглых

дырочек на месте правого и левого полей, можно забрать на память из широкой корзины АЦПУ – алфавитно-цифрового печатающего устройства. Ну или для дела. Что может быть лучше для черновиков, быстрых расчетов или рисунков вольного содержания, этих финских биатлонных просторов обратной стороны ненужной цэпэушной распечатки? В общаге, случалась, выпрашивали. Вещь. И Роман Подцепа отдавал. Он не был особенно жаден. Но вот ночной сменой ни с кем и никогда не поделился бы.

Уменье выбить ночную – целое искусство. Служебную записку директору ИПУ им. Б. Б. Подпрыгина составлял сам Алексей Левенбук, правая рука профессора Прохорова, заведующего отделением, а заодно и научного руководителя Р. Р. Подцепы, – на вид неразговорчивый и не улыбочивый кандидат технических наук с практически уже готовой докторской, которого в неполных тридцать пять все, кроме Прохорова, звали как безусловно старшего по званию, Алексеем Леопольдовичем. Несмотря на внешнюю угрюмость и замкнутость, это был весьма дельный, доброжелательный и в своем кругу понятный человек, с удивительной ловкостью и легкостью, казалось, часто вообще без слов, каким-то кивком, покашливанием или пожатием нужной руки решавший те самые назойливые оргвопросы, что так тяготили своей навязчивостью и неизбывностью профессора Михаила Васильевича Прохорова. Левенбук не только составил нужную служебную, но и договорился с упрямым и неотзывчивым начальником ВЦ. Этот мужчина по фамилии Студенич, который возбуждался только от вида заградительных сетей, да и то лишь двух типов – рыболовной или волейбольной, был главным и решительным противником какой бы то ни было сверхурочной работы вверенного ему подразделения.

– А отгулы дежурным из чьего кармана закрывать? – однообразно отбояривался этот крупночестный волейболист-рыбак всякий раз, когда на каком-нибудь совещании ученые мужи пытались его в очередной раз покусать за неуступчивость.

– Или тогда нам меньше разнарядку овощехранилища, – подумав, добавлял Студенич, таким нехитрым шантажом окончательно снимая вопрос с повестки дня.

И вот к этому простому и крепкому бойцу Левенбук зашел в кабинет и через десять минут вышел с ровной козьей приписочкой в нижнем левом углу служебной. «Не возражаю по личной договоренности со сменой. Студенич». Сиреневой

пастой. Затем уже сам Роман недели две навещался в приемную, покуда на этот раз в верхнем левом углу бумаги не появился размашистый, выполненный как будто бы даже не рукой, а веткой березы, что за окном, росчерк директора ИПУ академика Антона Васильевича Карпенко «Разрешить». Результаты Ромкиной работы, выражаясь языком ученых семинаров, безусловно лежали в русле научных изысканий Алексея Леопольдовича Левенбука. Но скромная статейка с парой подписей по алфавиту или параграф в очередной монографии, с расположением авторов на обложке согласно с правилами совсем другой последовательности, Прохоров – Левенбук, всех этих усилий определенно не стоили, так что подобное участие безо всяких оговорок могло считаться приятным знаком личного расположения Алексея Левенбука к Ромке Подцепе.

В конце второго, предпоследнего года аспирантуры очень приятно быть принятым в кругу коллег, особенно из числа старших крупнозвездных товарищей. Неприятно другое – давно и без особых надежд топтаться на месте. Через два дня в свои унылые права вступала осень, дождливая и тусклая пора в этих местах, официально отнесенных паспортно-учетными столами к территории особой кляксы на слабо пересеченной местности. ЛПЗ – лесопарковая зона города Москвы. Август уже плодил облака для водных процедур сентября, а Роман Подцепа лишь пачки бесконечных и бессмысленных распечаток незавершенных расчетов. Бумагу для заметок. И делал это с конца марта. Сначала, конечно, это были ошибки логики. Собственной логики Романа Романовича. Верная идея, сформулированная наконец этой зимой и принятая Прохоровым на ура, никак не могла отлиться в четкий, работающий алгоритм. Но к началу июня Роман все-таки победил свою генетическую предрасположенность к интуитивному и самостоятельному – благоприобретенным упорством в изучении пособий и наставлений. Розовый учебник по языку FORTRAN был проштудирован и поседел на сгибах матерчатой обложки. А белые страницы справочника по библиотечным функциям стали шершавыми и желтыми от перечитывания. Но все пошло.

В результате расчетов выходили несомненные кривые нагрузок. Очень похожие как внешне, так и под лупой строгого частотного анализа на те, что Ромка получал на стенде еще дома, в Южносибирске. Модель работала. И в хорошие дни, заявляясь в вороньих сумерках с ВЦ, Роман

часами мог любоваться этой рукотворной красотой. Выуживал из картонной коробки с надписью «GLOBUS Хунгаротэкс» нужный рулончик ленты самописца, сверял параметры опыта с параметрами буквально только-только рассчитанного варианта, разворачивал грязноватый свиток, придавливал его с двух сторон парой талмудов Прохорова – Левенбука к чистенькой, свежайшей распечатке и не мог оторвать глаз. Все пики и провалы были на месте. И не мешали все мыслимые искажения, несоответствия масштабов и проекций, – чудесные мозги математика Подцепы за две секунды выполняли что-то вроде сравнительного экспресс-анализа гармонического состава, и смешные уши героя краснели от детского, неподдельного счастья. Сходится! Сходится! Очень на то похоже.

Но таких счастливых вечеров под желтым световым крылом настольной лампы было не так уж и много этим летом у Романа. Гораздо чаще, приходя с ВЦ, он мрачно швырял очередную распечатку на гору таких же бессмысленных и молча прямо в ботинках заваливался на кровать. Замысловатые кривые трещин разбегались по беленому потолку общажной комнаты, качались, переплетались, свешивались, и их частотный экспресс-анализ не вызывал в душе ничего, кроме неодолимого и яростного желания немедленно закрасить эту гадость, а еще лучше заштриховать и зачернить.

Второй обитатель комнаты, земляк и аспирант-одногодок Боря Катц, был очень этим недоволен. Неснятыми ботинками, естественно. На потолок Боря не смотрел никогда, Боря всегда и неизменно смотрел только вперед, и эти черные несвежие ботинки сорок пятого размера, парившие перед его носом в узком и душном пространстве между углом низкой кровати и дверным косяком, очень смущали Катца. Борис не понимал, как же он сможет обойти это препятствие, на совесть сработанное из кожи и резины в дружественной, братской Советскому Союзу Чехословакии, в случае, ну например, срочного внешнего вызова в коридор или экстренного внутреннего в туалет. Успокаивался Катц, переставал дуться, ерзать и покашливать только тогда, когда топтыгинские клоподавы «Ботас» через четверть-другую часа как будто бы сами собой опадали с безвольных и обесточенных лап Романа. Съехав на пол, черные лапти теряли свой пугающий масштаб, да и вообще, через них можно было просто переступить.

Как переступить через другую, невидимую программную

преграду, в отличие от не славившегося особой проницательностью Катца, Роман Подцепа понял довольно быстро. С конца июня он уже щедро наводнял свой остроумный и изящный код глупой икотой, стоп-машина, промежуточной печати. Сначала Роман вываливал только текущие значения расчетных параметров, потом стал выводить аргументы подпрограмм, за ними очень скоро на выход попросились исходные наборы описания геометрии, а в августе Роман с тоскою понял, что должен проследить еще и за тем, как формируется собственно массив нагрузок. Он шинковал чухонскую капусту АЦПУшной бумаги, как полковая кухня, но разжижение операторами FORMAT и PRINT сухого столбика более деловых фортрановских команд IF, DO и CALL тем не менее не выталкивало на свет божий радужный пузырек какой-то нелепой и смехотворной, судя по всему, ошибки. Росло лишь время расчета варианта. Удваивалось и утраивалось. То, что без печати укладывалось в двадцать пять – тридцать минут, теперь не вписывалось в час. С отладочной печатью Роман просто не успевал досчитать до нужного ему места. Еж следующего пассажира, ЕОJ Никонова или Гитмана, снимал многострадальное, так до конца и не домолотившее задание Подцепы в строгом соответствии с зброй дневного графика распределения драгоценного машинного времени. Нож в горло.

Однако малодушное изъятие команд о выводе всего и вся заканчивалось еще унизительнее. Сбой, если он происходил, случался где-то в самом конце, на вентиле: в какие-то последние финальные мгновения чудесные, красивые, так тщательно и напряженно копившееся своды данных рушились, массивы переменных вдруг заполнялись какой-то песьей безобразной ересью, и самое позорное, что только может увидеть программист – прерывание из-за деления на ноль, словно пинком под зад заканчивало очередной, короткий вроде бы, сорокаминутный подход. Нет, волшебного пути спасенья не было. Только и исключительно с помощью тупой сплошной печати Роман мог поймать подлый момент крушения любовно собираемой пирамиды расчета, но для этого ему требовалось три или четыре часа непрерывного и безраздельного владения всей электронно-вычислительной машиной ЕС-1022 Института проблем угля им. Б. Б. Подпрыгина. И больше ничего.

Ночная смена снилась Роману Романовичу. Чего нельзя сказать о Славе Соловейкине. Даже когда Славян уже пилил по широкому и темному коридору ВЦ из прокуренной

комнаты дежурной смены в продутый сквозняком кабинет Студенича, он не догадывался, зачем зовут. Если на две недели в Вишневку, на барщину в совхоз, то он согласен, а если на денек окучивать сурепку под Жуковским, когда на следующее утро нужно тверезым на работу, – он, Слава, против. И очередь, тем более, не его. Иван Ильич, совесть имей.

По счастью, на что угодно, но только не на недостаток совестливости мог пожаловаться начальник Вычислительного центра ИПУ имени Б. Б. Подпрыгина Иван Ильич Студенич. В юности студент МИРЭА Ваня Студенич подрабатывал санитаром в морге миляжковской городской больницы и поэтому мог очень легко и в ярких красках представить себе все прелести, как анатомические, так и физиологические, беспечной смены в тифозном свете полуночи. Сознательного, взрослого Студенича, человека примерного трезвого поведения, начинало немедленно мутить как сапожника от чисто спиртового похмелья, стоило ему только подумать о людях, оставленных один на один с обильным и доступным протирочным материалом. К тому же разнополых. Бардак как неизбежная осознанная необходимость, вот что такое ваша ночная смена, мог бы сказать всем так ее домогавшимся Иван Ильич Студенич. Но сказать он этого не мог в виду угрозы немедленно констатации его неполного служебного соответствия. Можно подумать, природа человека могла быть изменена одним отдельно взятым начальником на одном отдельно взятом вычислительном центре. Академическим подкопам под законные устои общего административного порядка и собственного душевного покоя Иван Ильич Студенич всегда и неизменно сопротивлялся до последнего, боролся, а если и был иной раз вынужден отдать на поруганье крепость, то всегда заранее пытался минимизировать грядущий урон общественной морали. Вот, скажем, никогда не ставил в ночную смену людей семейных. Нет, и все. И потому выбор у него частенько был очень ограничен, а то и вовсе отсутствовал. Этим августом в жертву науке Студенич мог принести лишь одного-единственного в штате ВЦ холостого электронщика – разведенного в прошлом году Славу Соловейкина и плюс к нему Ирку Красноперову. Девушку-оператора, на которой женились через день и все подряд, а потому без каких-либо перспектив хоть раз оформить это дело в ЗАГСе.

– Словейкин, – сказал Студенич, когда красногубый Слава, в разъехавшейся на пузе цветастой рубаше и лесорубских

джинсах фабрики «Рабочая одежда», обросших куцей белой бахромой внизу штанин, явился по вызову. – Должок за тобой, товарищ сизокрылый, – хмуро напомнил Студенич.

И Слава понурился. Этим летом Студенич дважды прихватывал Славяна, с тяжелой поправки приходившего на смену. Объяснительные лежали в столе Студенича. Славяну даже показалось, что сквозь оргстекло, голубоватый табель-календарь и тяжелую столешницу проступили большие детские буквы его бестолкового и виноватого лепета. Какая совесть! Сурепка, вот что корячилось. Опять. Со всей первомайской, исполинской неизбежностью нависла над Соловейкиным щекастая колхозная сука. А с нею очередное безводное утро с ушастой черной гирей солнца и третья, третья объяснительная. Порочный круг. Смерть пионерки. Нет, точно выгнать задумал. Задумал выгнать. Падла Ильич, за что?

Когда же угрюмый падла Ильич, не глядя в жалкие кабаныи глазки Славы, кратко и просто объявил:

– Сегодня выйдешь в ночную. Ты и Красноперова, – механический Соловейкин мгновенно стал электрическим.

Сам изумился той быстроте, с которой его безмерное и безразмерное горе все без остатка оформилось, свернулось в четкую, пылающую пульку уставного:

– Есть!

Студенич поморщился от того, что при этом пара капель горячий, подобострастной слюны бьянулась на оргстекло его стола, но ничего не счел нужным добавить. Махнул рукой, и все. Свободен.

Соловейкин же от радости в холодном коридоре с размаху смазал здоровым кулаком по круглому боку огнетушителя. Краснорожий не сдался, остался на крюке, зато бурое мясо Славкиной руки, словно из-под лопнувшей перчатки, проклюнулось кровавыми кляксами на костяшках. И наплевать. Славян готов был расцеловать огнетушитель и того придурка, который пробил ночную смену. Понятно, что весь расчет Студенича на то, что завтра у Славы свободный день. И никакого отгула за ночь не будет, но и не будет больше этих объяснительных. Завяли помидоры. Сурепку съели. Ты мне, а я тебе. Есть совесть на белом свете. Есть.

В девять вечера Слава закончил дневную смену. Сходил домой. Съел две тарелки густых, с мяском на косточке, маминых щей и в половине одиннадцатого двинул обратно, на ВЦ. Все желваки и хрящи могучего Славиного тела играли и хрустели. Еще бы. Сегодня, сегодня он наконец-то, впервые

с давних, уже забытых майских праздников, сомнет и обслонявит что-то женское.

С тощей как мальчик и развратной как жирный старикан Иркой Красноперовой Студенич разговаривать вообще не стал. Одна лишь только мысль о встрече с этим воло оким существом, пусть даже и официальная, но без свидетелей, да еще в закрытом помещении, пугала спортсмена и семьянина Ивана Ильича до легкого расстройства здоровых функций ЖКТ. Распоряжение начальства девушке передала старшая смены Зинаида Васильевна. Щей, ни горячих, ни холодных, никто ей дома наливать не собирался, поэтому с работы Ирка и не уходила. Добила полкоробки бабаевских конфет, счастливо залежавшихся с позавчерашнего дня рождения Зинаиды Васильевны и не успевших даже по-настоящему заветриться в едкой табачной атмосфере дежурки, залила шоколадно-пралиновую массу ржавым, утренней заварки чаем и к моменту прихода Славы Соловейкина мило сидела у окна, подкрашивая губы и подводя ресницы.

Тут же на месте произведенная инспекция наличного запаса расходных материалов настолько вдохновила Славу, что он готов был стартовать немедленно, но дверь открылась, круглое лицо заказчика сегодняшнего праздника, Р. Подцепы из сектора мат. методов, блеснуло фонариком из тьмы, и Ирка встала. Пошла снимать какое-то левое, неизвестно зачем оставленное системщиками задание. Дурацкий контрольный тест, что-то лениво и вяло печатавший, пару-другую строчек раз в две минуты.

— Мог бы и сам снять, без помощников, — хмуро постановил Славян и для порядка пнул Зинкин железный стул.

Но глупый почему-то плавно не поехал в угол, а тут же и упал. Ничком.

Хороший вечер начинался с легкого раздражения. Причем и с той стороны длинного коридора ВЦ, где Слава прикидывал, что же быстрее свалит Ирку — неразведенный це-аш-три-о-пять или же его менделеевская смесь с водичкой, и с той, где Роман Романович, стоя спиной к «Консулу» и сосредоточенно перекладывая перфокарты, не мог дожидаться, когда же Ирка, наверное от перебора сладкого вдруг ставшая необычайно плавной во всех движениях, закончит наконец простые манипуляции по освобождению рабочего пространства, а равно оперативной памяти и центрального процессора. Но наконец-то закруглилась, сгребла распечатку тестовых результатов и упорхнула, оставив на прощанье еще

зачем-то целых двадцать три байта избыточной информации.

– Я буду в дежурке...

Можно подумать, Роман и так не знал, где полагается сидеть девушкам-операторам. Теплым и вялым, но обволакивающим как сливочное масло. Естественно. Но вот чего он точно знать не мог, не мог предвидеть, так это возможность изменения местоположения Ленки Мелехиной. Отталкивающей и во всех смыслах рыжей. Не мог предвидеть возможность ее появления на ВЦ, тем более в машзале, в начале первого. Ленка числилась второй аспиранткой Прохорова. Первогодок с еще несданными кандидатскими экзаменами. В другой момент и в ином состоянии Рома бы попросту схохмил, прошелся как-нибудь насчет презент континьюс тенза марксистко-ленинской философии, который в это время суток усваивается гораздо лучше, чем правила организации повторяющихся операций на языке Фортран. Само собой. Но после восьмидесяти минут расчета первого варианта, когда всем своим чутким математическим организмом он уже начинал просекать, что исходные параметры неверные, то есть как раз прекрасные, такие, при которых все чисто проходит с печатью или без, Роману было точно не до шуток. Полтора часа коту под хвост. Больше того, вся смена могла уйти в песок. Пропасть совсем, если он перепутал наборы. Если нужные остались в запертом четвертом корпусе ИПУ. Желтые стопки данных. Невероятно. Не может быть. И тем не менее.

Роман стоял и как идиот в сотый раз перебирал перфокарты, рыбьим взглядом лунатика глядел на цифры, надписанные шариковой ручкой над рядом дырочек и не мог, никак не мог понять, как же так вышло. Именно в этот момент открылась дверь машзала, и Ленкин носик быстро втянул болезненный, люминесцентный свет Ромкиного кошмара. Но это был один-единственный короткий вдох, едва лишь глаза двух прохоровских аспирантов встретились, дверь мгновенно захлопнулась, и далее в грудную клетку Ленки Мелехиной поступала лишь только прохлада коридорной темноты. Эмоционально совершенно ничем не подсвеченная.

Конечно. Для полновесности заявки Левенбук включил в список и эту безголовую, и младшего научного сотрудника, москвича Гарика Караулова, все правильно, но это ведь не повод, в самом деле, перелезть в кромешной тьме через ограду режимного учреждения и сквозь собачьи дикие засады рывками идти на свет окон ВЦ. Что она себе вообразила? С кем на одну доску решила встать? Думает ли она вообще, или

у нее мозги, как эти безмозглые вохрами прикормленные шавки, точно каким-то дауном сварганенные из развивающего набора юного биолога, уши таксы, хвост овчарки... Бестолковые напрочь. Шавки... Подумав вдруг об институтской охранно-постовой своре, Ромка тут же непроизвольно припомнил, как он сам позавчера появился в контору ни свет ни заря. Поднятый непонятной пружиной в шесть, он уже в семь тридцать прошел через только что открывшуюся проходную, возле которой во дворе волнами шерстяного моря дышало пыльное собачье отребье. Очень мирное, с полными желудками, на солнышке. Поднялся по улитке лестницы на третий, воткнул ключ в скважину, и дверь сама собой открылась. Незапертая. Посреди комнаты возле его стола синела поломойка с коробочкой его, Ромкиных, перфокарт.

– Пыль вот протираю, – икнула тетка в рабочем халате и поставила коробочку на Ромкин стол. А потом быстро подняла с пола две книги и пристроила тут же рядом.

Елки! Все понятно! Все было на полу. Все. Тетка смахнула толстым задом и книги, и коробочку со сбойными вариантами, и маленький набор любимого контрольного варианта, лежавший здесь же, под аккуратными листами миллиметровки. Ромка еще раз посмотрел на стопочку тоненьких колод, каждая из которых была собрана в единый вариант самоклееным бумажным колечком. Идиот. Ну разве не видно, все как новенькие, всего лишь раз проглоченные перфокартным вводом, и только у одной, у одной-единственной колоды правый обрез слегка подмят и замахрился. Она ходила много, много раз. Тетка смахнула со стола весь левый край, а потом сложила папки к папкам, карты к картам. Как могла. Контрольный вариант к сбойным. О черт. И надо же, чтобы именно этот он вытащил не глядя и тупо первым бараном запустил...

Через два часа нового счета случилось то, ради чего все и было затеяно. Вариант пошел вразнос, и Ромка понял почему. Неверное определение границ двойных массивов, тысячи элементов может не хватать, если по условиям точности сам алгоритм начинает замедлять вращение воображаемого рабочего органа моделируемой машины. Просто притормаживать, снижать угловую скорость, умножая количество необходимых для расчета точек в разы. В разы.. Ха-ха... Ясность наступила необыкновенная. Как в голове изобретателя таблицы периодических элементов. Все тетрадки в клеточку. Счастливо и, наверное, впервые за все

время борьбы с дырочками и лампочками Роман вдруг ощутил себя единым целым с этим миром. Наконец-то. Желанной и необходимой частью машзала, вычислительной машины и стопки желтых перфокарт. Ничто уже теперь не могло нарушить или сломать это новое, возникшее в третьем часу волшебное единство земли, воды и неба. Ни Ленкин рыжий хвост за дальним перфоратором, который Подцепа обнаружил в углу служебной комнаты, когда вбежал, чтобы быстро перебить пару команд, ни белой, подвижной легкой ниточкой выющаяся субстанция девицы-оператора, которую он чуть было не снес на обратном пути в потемках коридора...

– Вам это, по правде...

Роман не дослушал, он залетел в машзал, заменил команды, с какой-то сатанинской уверенностью в себе вытряс едва ли не все операторы отладочной печати, и оказался прав. Через пятьдесят четыре минуты первый, до этого считавшийся мертвым вариант завершился красивым псевдографиком нагрузки. В четыре часа ночи, после того как в машзале на ура прошел и второй из непротыков, Р. Р. Подцепа стал понимать, что ночка, ночка стала поворотной. Удалась, безлунная.

Примерно в это же время на другом конце сумрачного коридора дежурный электронщик В. А. Соловейкин впервые стал подозревать неладное. В сомнамбулической тиши ВЦ ИПУ пути двух особей мужского пола бесповоротно и решительно начали расходиться. Ни це-аш-три-о-пять, ни менделеевская, императорская смесь не брала Иркины кости. Бесценный протирочный материал с угрожающей скоростью иссякал, а руку, которой Слава время от времени пытался нащупать пульс в самых разнообразных частях и точках Иркиного тела, щека, плечо, коленка, девица лениво, но однообразно стряхивала.

– Да погоди ты... быстрый какой, – игриво говорила Ирка и в очередной раз удалялась в туалет, такой испорченной, развязной походкой, что Славик тут же в одиночестве накатывал одну сверху.

«Неужели все сблевывает, сучка», – с ненавистью думал Славян, категорически отказываясь признавать за протирочным материалом свойства слабительные или мочегонные. В конце концов он даже решил проверить, что же происходит на самом деле, но до двери в женский сортир не дошел, потому что обнаружил дежурного оператора немедленно, в зоне прямой видимости, в коридоре, и вовсе даже не с парой пролетарских пальцев в ротике, нет, что-то

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.